

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
М50

Yamile Saied Mendez
TWICE A QUINCEANERA

Серия «Рецепты женского счастья»

Печатается с разрешения *Kensington Publishing Corp.*
и литературного агентства *Andrew Nurnberg.*

Перевод с английского *Ковалевой Елены*
Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook),
относящихся к компании Meta, признанной в России экстремистской
и чья деятельность в России запрещена.

Мендес, Ямил Сайд.

М50 Вечеринка моей жизни: [роман] / Ямил Сайд
Мендес; – [перевод с английского Е. Ковалева]. —
Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Рецепты
женского счастья).

ISBN 978-5-17-147654-0

За месяц до свадьбы Надя Паласио решает расстаться со своим женихом. Вся семья в ужасе! Все уже давно оплачено, родственники со всего мира купили билеты на самолеты... Что делать в такой ситуации? Конечно, воспользоваться тем, что за день до свадьбы Наде исполняется тридцать. На глаза ей попадает статья в журнале о том, что все чаще женщины празднуют тридцатилетие с шиком, как «двойную кинсеаньеру». Кинсеаньера – праздник пятинадцатилетия, когда девушки наряжаются в нарядные вечерние платья и отмечают вход во взрослую жизнь. У Нади не было возможности отпраздновать ее тогда, но теперь, когда она – успешная женщина и первый дипломированный специалист в своей семье, почему бы не поднять бокал за все свои достижения?

Но что скажет на такую нестандартную идею семья? Ведь они ждали именно свадьбы. И что случится, когда жизнь преподнесёт Наде еще один сюрприз: владелец места, где она планирует провести праздник, окажется парнем, с которым у нее был роман в колледже?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Yamile Saied Mendez, 2022

© Ковалева Е., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-147654-0

Эта книга посвящается Линде Камачо

Глава 1

За месяц до свадьбы

Надя

Если бы только существовал способ одним нажатием на волшебный пульт дистанционного управления перемотать, ускорить или приостановить время! Если бы только был способ получить второй шанс, сделать все правильно раз и навсегда.

Надя Паласио не раз мечтала об этом. Но сейчас, пока она сидела в своей машине, набираясь смелости встретиться со своей семьей, это желание было сильнее чем когда-либо. Только на этот раз она не испытывала сожалений о том, что сделала. Как раз наоборот.

Наконец-то она смогла постоять за себя, как обычно заступалась за других людей. Просто она не была готова иметь дело с последствиями. Пока нет.

Сейчас она нуждалась в кнопке «пауза», чтобы воспользоваться передышкой. Чтобы подумать. Но, даже если ее мир рухнул, планета Земля продолжала вращаться, подобно балерине на музыкальной шкатулке.

Вместо вальса, в ее голове раздавались оглушительные звуки молота Тора, устроившего разрушительную вечеринку на обломках ее жизни.

Прошлым вечером ее жизнь сильно изменилась.

Она рассталась с Брэндоном, своим женихом, с которым встречалась пять лет и который был ее парнем еще со средней школы. Вчера вечером она покончила и с его ложью, и с его бесконечным манипулированием.

Все это было тяжело, сердце ее было разбито, а уверенность в себе уменьшилась до размера пылинок, танцующих в лучах солнечного света, которые пробивались сквозь лобовое стекло ее машины.

И теперь, Надя собиралась сообщить эти новости своей семье, ее альтер-эго Чудо-женщины будет растоптано. С одной стороны, она хотела ворваться к семье и покончить с этим. Но она уже не была подростком, который выбегал из дома, выкрикивая пустые угрозы о том, что никогда больше не вернется, а затем, три месяца спустя, поджав хвост, появлялся на пороге и признавал свои ошибки.

Но именно так она себя чувствовала, сидя в машине на подъездной дорожке у дома своих родителей.

С того дня, как ее семья приехала в Соединенные Штаты из Аргентины, когда ей было двенадцать, Надя была счастлива в доме кремового цвета с комнатами на разном уровне. И все же она сбежала при первой же возможности, получив полную стипендию в университете, и унося на своих плечах груз ожиданий, возложенных на неё семьей. Несколько лет спустя она вернулась с двумя глянцевыми дипломами и модной приставкой в конце имени, Надя Паласио, доктор юриспруденции.

Первый дипломированный специалист в семье. Такого не удалось достичь ни ее родителям, Эрнесто и Вирджинии, ни ее сестре, Изабелле. Да и вообще никто из всего клана Паласио, абсурдного количества людей, разбросанных по всему миру, большая часть которых в этот самый момент собиралась отправиться

в Орем, штат Юта, чтобы отпраздновать свадьбу Нади, не имел диплома.

Вот только свадьба отменялась. Брэндон собирал вещи и выезжал из их квартиры — ее квартиры — пока она пыталась набраться смелости, чтобы во всем признаться своим родным.

Надя уткнулась лбом в руль своего навороченного темно-серого субару «Аутбэк».

— О, Господи, помоги мне, — прошептала она. Надя не отличалась особой религиозностью, но сейчас как никогда нуждалась в божественном вмешательстве.

Она ждала голоса Всевышнего, который сказал бы ей, что делать, как это сделать или, по крайней мере, успокоил бы ее и заверил, что все будет хорошо. Но она слышала лишь птиц, порхающих среди деревьев, и йорка по кличке Тинкербелл, который на них лаял. Возможно, боги передавали ей спасительное послание, но Надя не говорила ни по-птичьи, ни по-собачьи. Она должна была справиться самостоятельно.

Надя вытерла вспотевшие ладони о свои волшебные черные брюки. Их волшебство заключалось в том, что они могли скрыть изгибы ее фигуры от похотливых глаз придурков из юридической конторы. Под аккомпанемент непристойных предложений и унижительных комментариев у нее ушло четыре года, на то, чтобы ей позволили самостоятельно вести дело, касающееся семейной распри из-за какой-то недвижимости. Она находила своего рода утешение, помогая в рамках закона другим семьям решить их проблемы, и в то же время боялась даже поговорить со своими родителями.

Словно вызвав дьявола из офиса, ее телефон записали и завибрировал в кармане, напугав Надю. Она взглянула на экран и прочитала:

Не забудь заскочить в офис за делом Хокинса. Сегодня пятница-развратница, но я могу встретиться с тобой там, если нужно.

Она поморщилась, представив хитрую улыбку Лэрэми Ханга, главного партнера и ее босса.

Надя собиралась проигнорировать это сообщение, но, если по словам Брэндона, она была скучной, она также была педантичной.

Я уже заезжала в офис сегодня утром — ответила она.

У нее засосало под ложечкой, когда она увидела три точки, означавшие, что он не отходил от телефона в ожидании ответа.

Наконец, она прочитала:

Умница! Напиши мне, если понадобится какой-либо совет. В эти выходные я один. Передавай от меня привет Брэндону!

— Ах ты, гадкий муд... кретин! — произнесла она, представляя, как Брэндон посмеялся бы над ней, если бы узнал, что она не может нормально выругаться, даже когда находится одна.

Вместо ответа, она сделала снимок экрана. Она сохранила все сообщения, так, на всякий случай.

— Тía*! — Оливия, ее племянница и крестница, окликнула Надю у входной двери, помахав ей рукой. Шестнадцатилетняя девушка боготворила Надю, и та отвечала ей взаимностью. — Abuela** спрашивает, почему ты до сих пор на улице!

— Иду!

Стараясь успокоиться, Надя подавила угрызения совести за то, что сделала. Она боролась с желанием снова завести машину и уехать на край земли. Но не в Арген-

* Тía (*с испан.*) — тетья

** Abuela (*с испан.*) — бабушка

тину, откуда была родом ее семья, и проживали многие из клана Паласио. Нет. Она не смогла бы посмотреть им в глаза. Она бы отправилась на Аляску, а оттуда в Сибирь. Может, занялась бы рыбалкой или какой-то другой тяжелой работой, после которой не оставалось бы сил думать о том, насколько близка она была к достижению цели, поставленной ею еще в девятом классе средней школы, и о том, что она только что спустила ее в унитаз. В буквальном смысле. Вместе с обручальным кольцом, которое на протяжении пяти лет впивалось в ее палец, царапало и ранило кожу и самооценку, хотя она притворялась, что оно ей нравится.

— Dale, Tía!* — снова крикнула Оливия. Она старалась как можно больше говорить на испанском, благовослови ее господь. Смесь аргентинского акцента семьи Паласио с пуэрториканским ее отца могли понять только в их семье. Поскольку колледж был уже не за горами, и Оливия очень хотела пойти по стопам Нади, она настояла на том, чтобы дома говорили только по-испански.

Надя открыла дверь и вышла из машины под палящее июльское солнце. Шпильки черных туфель от Джимми Чу, которые являлись одной из ее немногочисленных слабостей, царапнули изъеденный солью цемент подъездной дорожки. Стоя на одной ноге, Надя внимательно осмотрела повреждение и заметила ободранную кожу на левом каблуке. Но прежде чем она успела выплеснуть накопившееся внутри раздражение, ее мама сказала:

— Мы не можем опоздать на примерку, *mi amor!***
Что ты так долго делала в машине?

Подмышки Нади покалывало от пота.

Ей следовало сбежать. Но теперь было слишком поздно.

* Dale (*с испан.*) — Давай!

** Mi amor (*с испан.*) — милая, любовь моя и т.п.

Вечеринка моей жизни

Растянув губы в фальшивой улыбке, она посмотрела маме в глаза, зная, что вот-вот разобьет ей сердце.

— Мамі*... нам нужно поговорить.

Ее мать схватилась за сердце, на ее лице отразилась радость. Надя чуть не сняла туфли и не бросилась наутек по-настоящему.

— Ты беременна?

— Должно быть, ты что-то сделала, — сказал ее отец, нарушая зловещее молчание, повисшее на кухне после заявления Нади. — Вы двое казались такими счастливыми и влюбленными в прошлые выходные за ужином.

Последовавшая за этим тишина была гнетущей. Даже Тинкербелл перестала лаять на разноцветные солнечные зайчики, отбрасываемые витражным стеклом на кафельный пол, или на птиц за окном. Оливия, сидя за кухонной стойкой, взволнованно строчила сообщения на телефоне. Вероятнее всего сообщая своей матери, Изабелле, сестре Нади, новости о новой семейной драме.

Наде стоило начать с хороших новостей по поводу работы. Дочь двух трудоголиков, она должна была понимать, что новости о возможном повышении могли бы смягчить удар. Но после того, как ее мама сделала поспешные выводы, а ее отец радостно загорланил со второго этажа:

— ¡Otro nieto! ¡Qué alegría! Gracias, Dios mío!**, ей пришлось действовать быстро. Ситуация уже вышла из-под контроля.

* Мамі (с испан.) — мамочка, мамуля

** ¡Otro nieto! ¡Qué alegría! Gracias, Dios mío! (с испан.) — Еще один внук! Какая радость! Господи, спасибо!

— Да, точно. Ты, должно быть, что-то сделала. Брэндон нам как сын, — сказала мама, как будто нашла единственное логичное объяснение. Надя поджала пальцы ног в туфлях, когда ее мама продолжила. — Расскажи мне, что именно ты сказала. Я уверена, это какое-то недоразумение. Я позвоню Лизе...

Надя хлопнула рукой по столу и тут же пожалела об этом, когда ее мама вздрогнула.

— Мамі, ты не станешь звонить матери Брэндона! — Ее голос дрожал, пока она пыталась придать своему тону твердости, оставаясь при этом почтительной. — Я ничего не делала. Между нами все кончено. Свадьбы не будет.

— Но родственники уже в пути! — добавила ее мама, Вирджиния, заламывая руки.

Надя представила, как ее родня из Аргентины, Англии, Испании, Канады и даже Австралии пакует чемоданы, чтобы успеть на свадьбу десятилетия, как они ее нарекли. Некоторые из них годами копили деньги на это событие. Другие просто хотели своими глазами увидеть, стоили ли последние восемнадцать лет, проведенные семьей Паласио в Соединенных Штатах, такого расстояния и жертв.

Ее свадьба представляла для ее родителей возможность похвастаться перед остальной родней, насколько счастливы были их дочери. Свадьба Изабеллы была небольшой, и в то время требования для получения визы США были слишком жесткими, лишая большинство членов их семьи возможности путешествовать. Сейчас ситуация улучшилась, но Надя все испортила.

Такая вот неприятность.

— Мамочка, не волнуйся, — попросила Надя. — Не знаю, как, но мы все уладим.

Вечеринка моей жизни

Ее мама прошлась пальцами по своим крашеным черным волосам и вздохнула.

— Думаю, стоит позвонить в свадебный салон и сказать им... Они могут не вернуть деньги за свадебное платье и платья подружек невесты. Ты ведь знаешь это?

Сердце Нади сжалось. Она была настолько ошарашена расставанием накануне вечером, что совершенно не приняла в расчет последствия. Она оплатила большую часть свадебных расходов, но ее родители тоже во многом помогли.

— Вы получите свои деньги обратно, — заверила она, погладив маму по руке. Ее руки были холодными, как лед, как будто они обсуждали смерть члена семьи, а не то, что ее семейный статус остался прежним. — У меня есть сбережения... И...

— Дело не в деньгах, — возразил ее отец.

Напряжение в теле Нади исчезло. Она надеялась, что сейчас отец обнимет ее, и она заплачет, пока он будет гладить ее по плечу и уверять, что все будет хорошо. Они вместе решат эту проблему. Она всегда хотела, чтобы он так сделал, но это всегда оставалось лишь мечтой.

— Просто я поверить не могу, что ты позволила этому затянуться на такой долгий срок, — продолжил он. — Я предвидел это много лет назад, но, когда предупредил тебя, ты со своей матерью сказали мне, что я обязан поддерживать свою дочь во всем.

Оливия резко ахнула, и Надя сдержалась, чтобы не вспылить.

— О чем ты говоришь? — спросила она, готовясь услышать упрёки.

— Не хотел этого говорить, но... Я ведь тебе говорил, — сказал он, показывая ладони, будто в них таи-

лась правда. — Помнишь, когда тебе было шестнадцать лет, и ты первый раз вернулась домой в слезах?

Надя кивнула.

— Виено*, я сказал тебе тогда, что эта небольшая ссора была лишь маленьким предвестником чего-то более серьезного в будущем. Тогда ты разозлилась, но я сказал, что однажды он бросит тебя, и тогда уже будет поздно что-то менять.

— Что значит слишком поздно? — возмутилась Надя.

— Ну, ты не становишься моложе, только и всего.

— Рарá**...

— Знаю, знаю, — перебил он ее. — Но только это парень начал мне нравится, как он отменяет свадьбу?

Надю бесило то, что отец был прав, по крайней мере, отчасти. Тревожные звоночки проявились еще на первом их с Брэнденом свидании. Ей пришлось заплатить, потому что он «забыл» свой бумажник дома. Правда заключалась в том, что у него не было работы, и его мать запретила ему пользоваться семейной кредитной картой, как своим личным трастовым фондом. На протяжении многих лет совместной жизни они так часто расставались, что она потеряла этому счет. На этот раз все было по-другому. Но верно, это случилось в самый неподходящий момент. Теперь, когда ее отец начал относиться к Брэндону, как к сыну...

Но в то же время отец ошибался. Она ни в коем случае не была старой. Тридцать ей должно было исполниться только в следующем месяце, хотя в ее семье

* Виено (*с испан.*) — что ж, хорошо

** Рарá (*с испан.*) — папа

Вечеринка моей жизни

любой, кто оставался холостым до тридцати лет, считался аномалией.

Тревога, ее старая подруга, сдавила грудь. Надя восприняла это как сигнал, что пора сделать передышку. Пусть у нее и не было дистанционного пульта управления, чтобы остановить время, но ей нужно было побыть одной, если она хотела избежать скандала.

— Я скоро вернусь.

— Куда ты собралась? — в отчаянии спросила Вирджиния.

— В туалет, мам. Можно?

Она развернулась в сторону лестницы и не успела заметить, что лица ее родителей стали еще мрачнее. Но хуже всего было то, какой обеспокоенной выглядела Оливия, которая стояла за кухонным островком и сжимала руки, словно в молитве.

Надя хотела успокоить ее, но ей нечего было сказать. Она отвернулась.

На стене, по обе стороны лестницы висели десятки фотографий Нади и ее сестры, их взгляды казались осуждающими. Школьные фотографии, танцевальные выступления, неловкие годы ношения брекетов, несколько месяцев в школьной команде поддержки. По всем этим снимкам можно было судить о том, сколько усилий она прикладывала для достижения своих целей, ее постоянное стремление к большим высотам. Не было времени на празднование своих побед, потому что всегда появлялось что-то новое, чего нужно было достичь, что-то лучшее, к чему стремиться.

Многие годы она преследовала главную цель — замужество, и это выматывало ее. А теперь, когда эта цель исчезла — нет, когда Надя вычеркнула ее из своего списка — она не знала, к чему стремилась. Лестница

состояла всего лишь из десяти ступенек, а она уже запыхалась.

Ее родители яростно перешептывались на кухне. Зазвонил телефон. Тинкербелл снова начала лаять.

Наконец, она добралась до ванной комнаты в конце коридора и закрыла за собой дверь.

— Ты в полной заднице, — сказала она своему отражению в зеркале.

Черт возьми. Она выглядела ужасно. На носу и подбородке повыскакивали прыщи, и она проклинала вышедшие из-под контроля гормоны, делающие ее еще более несчастной. Ей необходимо было подкрасить ресницы после стольких пролитых прошлым вечером слез, а волосы требовали серьезного ухода.

Это ведь она рассталась с Брэндоном, а не наоборот. Однако у нее не хватило смелости рассказать своим родителям об этом маленьком нюансе. Если бы они встали на его сторону, она бы этого не пережила. Им лучше не знать о том, что на самом деле произошло.

В голове пронеслось воспоминание о том, как она вернулась вчера домой, выжатая как лимон после напряженной трудовой недели и тренировки (потому что хотела выглядеть идеально в день свадьбы). Брэндон сидел за компьютером с...

У Нади перехватило дыхание, и она стала задыхаться.

Она плеснула водой на лицо, но к горлу лишь подступила тошнота. Перед глазами поплыли черные точки. Это было нечто более серьезное, чем просто тревога. Может, у нее случился запоздалый приступ панической атаки, и она не знала, как с ним справиться.

Надя опустила сиденье унитаза, села, опустив голову между колен, и начала делать в меру глубокие вдохи. Не

Вечеринка моей жизни

хватало еще только упасть в обморок и устроить еще одну сцену. Она попыталась расслабить плечи, но мышцы были так напряжены, что она не знала, как избавиться от этой скованности.

Брэндон был прав. Она была чересчур напряженной, весьма скучной и довольно предсказуемой.

А она всего лишь пыталась делать все, чего от нее ожидали ее родители, ее парень, ее начальство, общество и весь этот гребанный мир.

Когда же она начала игнорировать свои собственные желания и взялась добиваться того, чего по словам других, она якобы хотела?

И снова нахлынули воспоминания. Она плакала в школьном туалете, а Хани Томас успокаивала ее: «Надя, он — мечта любой девушки. Тот факт, что он хочет вернуть тебя, когда мог бы заполучить любую другую, уже искупает вину за все остальное. Идеальных мужчин не существует...»

Им тогда было по пятнадцать лет, и она уже чувствовала себя неудачницей, потому что Брэндон продолжать вытирать об нее ноги. Но впервые в жизни вместо того, чтобы корить себя за ошибки прошлого, Надя почувствовала прилив сострадания к той девочке, которой она была, к той юной Наде.

Она прижала кулаки к глазам, и как только черные точки исчезли, а зрение вернулось, Надя заметила газетницу в углу рядом с ванной. Когда она в прошлый раз навещала родителей, ее там не было. Должно быть, Оливия оставила ее здесь, чтобы листать журналы, пока отмокает в ванне при свечах.

Как же ее мама изменилась!

Раньше она метала громы и молнии, когда Надя и Изабелла покупали журналы на деньги, которые они полу-

чали, присматривая за чужими детьми. Она говорила, что это непристойное чтение, полное глупых советов и — шепотом — порно. Но теперь, похоже, она совершенно не возражала, что они нравятся ее внучке. Не то, чтобы Надя завидовала Оливии. Она обожала свою племянницу, но тем не менее, трудно было не испытывать обиду.

Кто-то постучал в дверь ванной комнаты, и Надя вздрогнула.

— Надя, ты в порядке? — спросила Изабелла. Как она так быстро сюда добралась?

Вероятно, Оливия попросила ее приехать, и, хотя Надя не думала обращаться к своей сестре за утешением или поддержкой, в данный момент она была благодарна, что ее племянница позвонила своей матери. Никто больше не поинтересовался о ее самочувствии.

— Я в порядке, — ответила она заплаканным голосом. — Я сейчас выйду.

Она уже приготовилась к тому, что Изабелла заставит ее открыть дверь. Но сестра просто сказала:

— Хорошо.

По звуку удаляющихся шагов Надя поняла, что ее сестра вернулась на кухню.

Что на нее нашло? Были бы они моложе, Изабелла не отстала бы, пока Надя не открыла дверь и не выложила все. Затем сестра перечислила бы все совершенные Надей ошибки. А тут она просто оставила ее в покое.

И все же, Наде необходима была минутка, прежде чем вернуться к семье.

Она выхватила из газетницы первый попавшийся журнал, тот, на обложке которого была изображена красивая сексуальная латиноамериканка. Может быть,